

Ю. Шаповал* , Т. Липина , А. Бекболат

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан, г. Астана

*e-mail: shapovaluv@gmail.com

УЛЕМЫ В ГОДЫ СТАЛИНСКО-БОЛЬШЕВИСТСКИХ РЕПРЕССИЙ В КАЗАХСТАНЕ: НА ПРИМЕРЕ СУДЬБЫ ГАЛИАСКАРА АЙТХОЖИНА

Статья посвящена анализу биографии одного из казахских улемов в период репрессий советской власти в Казахстане, последствием которых было физическое уничтожение значительной части местных мусульманских лидеров и большой урон исламскому образованию и просвещению, а также функционированию мусульманских общин в Казахстане в целом. Целью данной статьи является показать репрессии против улемов на примере судьбы Кокшетауского улема Галиаскара Айтхожина, имя которого включено в биографический словарь Садуакаса Гылмани «Биографии исламских ученых, живших в наше время». В качестве методологической основы в статье применен микроисторический подход и биографический метод, позволяющие исследовать репрессивную политику советского государства в 1920-е-1930-е годы через призму жизни людей и микрособытий, и, соответственно, «услышать голос самих мусульман», испытавших давление репрессивной машины. В целях изложения целостного нередуцированного видения событий в статье показана деятельность различных акторов, в частности, мусульманских служителей, представлявших разные проекты развития ислама и исламского образования, Центрального духовного управления мусульман внутренней России и Сибири (ЦДУМ), которое координировало работу мусульманского духовенства большинства регионов Казахстана, советское государство и его репрессивные органы ОГПУ/НКВД. Источниковая база исследования включает информацию об улеме в биографическом словаре С. Гылмани, а также архивные материалы. Реконструкция биографий местных улемов Казахстана, актуализация их имен и деятельности, является важным вкладом в процесс их полной реабилитации, а также в преодоление «белых пятен» и разрывов в истории ислама, восстановление единого континуума исторического процесса и его осмысления.

Ключевые слова: ислам, улемы, советское государство, репрессивная политика, реабилитация.

Yu. Shapoval*, T. Lipina, A. Bekbolat

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan, Astana

*e-mail: shapovaluv@gmail.com

Ulema in the period of stalinist and bolshevik repressions in Kazakhstan: the fate of Aliyasqar Aytqozhauy

The article is devoted to the analysis of the biography of the representative of Kazakh ulemas during the period of the Soviet authority repressions in Kazakhstan. The consequences of the repression were a physical destruction of a large group of local Muslim leaders, a great damage to Islamic education, as well as to the functioning of Muslim communities in Kazakhstan as a whole. The purpose of this article is to show repressions against ulemas through the fate of Aliyasqar Aytqozhauy as an alim from Kokshetau, whose name was included in the "Biographies of the Islamic Scholars of Our Times" by Sadwaqas Ghilmani. As a methodological basis, the authors applied the micro-historical approach and the biographical method, allowing to study the repressive policy of the Soviet state in 1920s-1930s through the prism of people's lives and micro-events and, accordingly, "to hear the voice of Muslims" themselves, who experienced the pressure of the repressive machine. In order to present a coherent and whole view of the events, the article shows the activity of the different actors, particularly Muslim clergy representing different projects of development of Islam and Islamic education, the Central Spiritual Directorate of Muslims of Inner Russia and Siberia (SSAM), which coordinated work of clergy in most Kazakhstan regions, the Soviet state and its repressive bodies such as the USPA/NCIA. The source base of the study includes information about the alim in the "Biographies of the Islamic Scholars of Our Times" by Sadwaqas Ghilmani as well as archival materials. The reconstruction of biographies of local ulema in Kazakhstan, the actualization of their names and activities, is an important contribution to the process of their full rehabilitation, as well as to overcoming "white spots" and gaps in the history of Islam, the restoration of the historical process continuum and its comprehension.

Key words: Islam, Ulema, the Soviet Union, repressive policy, rehabilitation.

Ю. Шаповал *, Т. Липина, А. Бекболат

А.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Қазақстан, Астана қ.
*e-mail: shapovaluv@gmail.com

Сталиндік-большевиктік қуғын-сүргін жылдарындағы Қазақстандағы ғұламалар: Әлиасқар Айтхожаұлының мысалында

Мақала Қазақстандағы Кеңес өкіметінің мұсылман лидерлеріне қарсы, тіптен олардың едәуір бөлігінің тағдырдың қиюына дейін әкеліп соқтырған және ислам білім мен ағарту ісін, сондай-ақ діни қауымдардың қызметтерін тоқтатқан қуғын-сүргін кезеңіндегі қазақ ғұламаларының бірін талдауға арналған. Бұл мақаланың мақсаты ғұламаларға қарсы жүргізілген қуғын-сүргіндерді С. Ғылманидің «Заманамызда болған ғұламалардың ғұмыр тарихтары» библиографиялық сөздігіне есімі енген көкшетаулық ғұлама Әлиасқар Айтхожаұлының тағдыры мысалында көрсету. Мақалада әдістемелік негіз ретінде 1920-1930 жылдардағы Кеңес үкіметінің қуғын-сүргін саясатын халық өмірі мен микрооқиғалар призмасы арқылы зерттеуге және тиісінше сол кезеңдегі репрессиялық машинаның қысымына тікелей куә болған жергілікті дін қайраткерлерінің өміріне үңіле отырып аңғару мүмкіндігін беретін микротарихи көзқарас пен өмірбаяндық әдіс қолданылады. Оқиғаларды тұтас қысқартылмаған күйінде көрсете білу мақсатында, мақалада әртүрлі акторлардың, атап айтқанда, ислам дінін және исламдық білім беруді дамыту бойынша түрлі жобаларды ұсынған діни қызметкерлердің, Қазақстанның көптеген облыстарындағы діни басқармалар бағынатын Ішкі Ресей және Сібір мұсылмандары орталық діни басқармасының (ОМДБ), сонымен қатар, Кеңес үкіметі және оның репрессиялық Біріккен мемлекеттік саяси басқарма/Ішкі істер халық комиссариаты (БМСБ/ІІХК) органдарының қызметі көрсетіледі. Зерттеудің деректік негізі ретінде С. Ғылманидың ғұламалар өмірбаяндық сөздігіндегі мәліметтер мен мұрағат материалдар пайдаланады. Қазақстан аумағындағы ғұламалардың өмірбаяндарын қалпына келтіру, олардың аты-жөні мен қызметін ғылыми айналымға енгізіп отыру, олардың толық ақтауына, сондай-ақ ислам тарихындағы «ақтаңдақтарды» және оқшылықтарды жоюға, біртұтас тарихты қалпына келтіруге, тарихи процестің континуумы және оны түсінуге қосылған маңызды үлесі болып табылады.

Түйін сөздер: ислам, ғұламалар, Кеңес үкіметі, репрессиялық саясат, оңалту.

Введение

Многие проблемные зоны в религиозной сфере казахстанского общества, которые обострились после обретения независимости и остаются актуальными до настоящего времени, возникли в советский период истории Казахстана. Среди них выделяются такие, как низкий уровень религиозных знаний населения, а также нехватка высококвалифицированных мусульманских служителей, обладающих знаниями в исламских науках, учитывающих казахстанский историко-культурный контекст и имеющих авторитет у местных мусульман не только как исполняющий религиозные обряды, но и передающий религиозные знания в качестве духовного наставника и учителя. Исследователи Рой и Вайнер обозначили эту ситуацию в 1990-х-серединах 2000-х гг. в постсоветской Центральной Азии как «коллективное невежество и амнезия» в отношении исламских знаний (Ro'i, Y., Wainer, 2009: 312), связанную с разрушением институтов исламского образования советской властью.

До недавнего времени большинство молодых людей с целью получения исламских знаний выезжали в зарубежные образователь-

ные религиозные учреждения в мусульманских странах, что имело как положительные аспекты, так и включало определенные риски, особенно в условиях активизации религиозно-мотивированных экстремистских организаций в мире. В настоящий момент основной фокус ДУМК направлен на развитие казахстанской системы исламского образования и формирования слоя образованных мусульманских служителей, включая также исламских ученых – улемов. Обеспечение прочного фундамента для исламского образования в Казахстане и необходимых условий для развития собственной школы знатоков исламской теологии и права является комплексным процессом, важной частью которого является преодоление вышеупомянутой амнезии и актуализация памяти о местных улемах, которые были одновременно мударрисами, имели учеников.

Многие из казахских улемов подверглись репрессиям в 1930-е-начало 1940-х гг. и были приговорены к расстрелу. Советская политика в отношении исламского образования и мусульманских служителей была крайне разрушительна, в частности, исследователь Э. Тасар в отношении репрессий против улемов отмечает:

«Эти меры не положили конец неформальной передаче религиозных знаний, но они сильно навредили одной из жизненно важных функций религиозного образования – подготовке дипломированных, образованных практиков, способных толковать религиозные законы и догмы для людей» (Tasar, 2016: 271).

Восстановление имен, жизненного пути и религиозного служения казахских улемов, репрессированных в годы сталинско-большевистских репрессий, позволит углубить знания об истории ислама в досоветский и советский период, судьбе его представителей и внесет вклад в восстановление преемственности исламского образования и теологической школы в Казахстане, учитывая историю и местную специфику.

В рамках исполнения указа Президента РК К.-Ж. Токаева от 24 ноября 2020 года, Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий, которая включает представителей государственных органов и ученых, в настоящее время проводит масштабную работу по сбору и изучению архивных материалов с целью восстановления исторической справедливости в отношении казахстанцев, безвинно пострадавших от репрессивной системы, выстроенной советской властью. Значительную категорию жертв политических репрессий составляет духовенство. С одной стороны, многие из данной категории жертв политической репрессии были реабилитированы, но, с другой стороны, в постановлениях и справках о реабилитации содержатся сухие общие формулировки, констатирующие, что производство дела прекращено за недоказанностью состава преступления, что, очевидно, недостаточно для полной реабилитации репрессированных людей. Полная политическая реабилитация предполагает широкое понимание процесса реабилитации, который включает не только политико-правовые аспекты, но и гуманистический процесс восстановления права людей на человеческое достоинство и справедливость, а также утверждает непреходящую ценность человеческой жизни как основу развития общества. Соответственно, исследование репрессий и восстановление имен и биографий религиозных деятелей является составной частью их полной реабилитации и несет в себе не только актуальную исследовательскую задачу, но и духовно-нравственный смысл.

Обоснование выбора темы, цели и задач

В связи с грифом секретности на архивных материалах, касающихся репрессивной политики советской власти, многие имена, судьбы и обстоятельства смерти казахских улемов оставались неизвестны. Государственная комиссия по полной реабилитации жертв политических репрессий начала работу по изучению и рассекречиванию документов о репрессивных мерах советского государства в отношении различных категорий населения, включая духовенство. Этот шаг является важным как в политико-правовом, гуманистическом отношении, так и в научном плане, открывая новые возможности для исследований. Данная статья представляет собой реализацию этих возможностей.

Необходимо указать, что большим вкладом в изучение жизни и деятельности казахских улемов, было введение в научный оборот известным ученым Муминовым А.К. и др. местного письменного источника – биографического словаря Садуакаса Гылмани (1890-1972) «Биографии исламских ученых, живших в наше время» (Заманамызда болган ғұламалардың ғұмыр тарихтары), содержащего сведения об улемах Акмолинской области (Гылмани, 2015). Садуакас Гылмани занимал должность казия в советское время (1952-1972) и на основе своих воспоминаний, а также записей своих сподвижников Момакана Алиева, Габбаса Елеусизова, Карты Кантарбаева, собрал биографические сведения о 39 улемах казахской национальности, работавших в Акмолинской области, а также через их деятельность представил картину исламского образования в казахских степях. Функционирование в то время системы исламского образования (мектеп и медресе) с авторитетными мударрисами позволило Муминову А.К. и Утепбергеновой У. (Муминов, Утепбергенова, 2019: 27) сделать вывод о существовании Акмолинской школы исламских наук, многие выходцы которой внесли свой вклад в сохранение исламской интеллектуальной традиции в условиях советского государства. Значительная часть представленных в словаре улемов подверглась репрессиям, что упоминается, но, по понятным причинам, не раскрывается в работе С. Гылмани. Один из репрессированных улемов – это мухтасиб и мударрис Галиаскар Айтхожин (Әлиаскар Айтқожаұлы), биографические сведения о котором стало возможным дополнить благодаря архивным материалам, обнаруженным в ходе работы Государ-

ственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий.

Цель данной статьи – на примере судьбы Галиаскара Айтхожина показать деятельность казахских улемов в условиях системных репрессий в 1920-е-1930-е годы XX в. В частности, Г. Айтхожин арестовывался в совокупности четыре раза, и, в результате, в 1937 году был расстрелян вместе с другими мусульманскими служителями в рамках группового дела в годы «Большого террора» 1937-38 гг.

Нашей задачей является попытка более глубокого осмысления борьбы советской власти с исламом и его носителями не только на институциональном уровне – через призму декретов и постановлений советского правительства, но и на более личностном уровне воздействия репрессивной машины на жизнь конкретных мусульманских служителей, в данной статье – на жизнь улема Галиаскара Айтхожина. Такой подход, на наш взгляд, будет способствовать комплексному многоуровневому (макро- и микроуровни) подходу к истории ислама в Казахстане в советский период, восстановлению преемственности исламской интеллектуальной традиции, исламского образования, воссозданию единого континуума истории ислама в Казахстане, начиная с VIII в. до современности без «белых пятен».

Научная методология исследований

Исследования ислама в советский период в Казахстане в основном сфокусированы на советской государственной политике в отношении ислама, на ее методах управления и контроля, периодизации этой политики. Ученые А. Халид и П. Сартори указывают на односторонность такого методологического подхода, который можно обозначить как макроисторический, исследующий государственный дискурс и советские метанарративы. При этом, остаются вне исследовательского внимания, как отмечает А. Халид огромные пласты общественного и индивидуального существования самих мусульман (Khalid, 2008: 308), что приводит к тому, что нераскрытой остается жизнь мусульман, их установки, практики в условиях репрессивной политики советского государства. П. Сартори, как и А. Халид, указывает на необходимость «слышания голосов мусульман в истории Советского Союза» (Sartori, 2010: 334), что в методологическом отношении предполагает отход от макроуровня к анализу на микроуровне, то есть на

уровне жизни людей и микрособытий. В данной статье мы, помимо общей характеристики методов советской репрессивной политики, применяем микроисторический подход, исследуя жизнь улемов и репрессии против них через призму биографии одного из авторитетных исламских ученых. Реализация данного микроисторического подхода предполагает применение метода исторической реконструкции биографии религиозного деятеля, историко-критический подход к использованным источникам.

Слышать голос мусульман в советское время нам позволяет уникальный вышеупомянутый биографический словарь, составленный С. Гылмани. Биографические сведения о жизни Галиаскара Айтхожина написаны С. Гылмани на основе рассказов одного из лучших учеников Айтхожина Момакана Абдолжаббарулы, с добавлением информации от Карты Картанбайулы. В этом источнике содержатся сведения о его происхождении, семье, учебе, служении в должности мудрарриса, соответственно, характеризуется его метод преподавания, а затем период его активной деятельности в качестве мухтасиба Кокчетавского района. Следует отметить, что образ Айтхожина в нарративе Момакана Абдолжаббарулы в значительной степени противоречит рассказу Карты Картанбайулы. Поэтому при использовании источников следует их анализировать, учитывая субъективные аспекты восприятия людей.

Второй тип источников, использованный нами, архивные материалы, а именно следственные дела, в которых в качестве обвиняемого фигурировал Г. Айтхожин как бай-мулла. Первое дело 1930 года, заведенное ОГПУ по Кокчетавскому району в отношении его антисоветской деятельности в г. Кокчетаве. Второе следственное дело 1937 года, когда он был привлечен по групповому делу в г. Степняке.

Необходимо отметить, что эти источники также следует анализировать, учитывая контекст и цели написания, а именно, что материалы подготовлены ОГПУ/НКВД с заранее поставленной целью обвинения в антисоветской деятельности, соответственно, в документах часто использовались обвинительные клише, в ходе следствия применялись методы разного рода давления, вплоть до физического насилия, поэтому протоколы часто подписывались без ознакомления.

Написание имени и фамилии религиозного деятеля – Галиаскар Айтхожин, используемое в тексте статьи на русском языке, соответству-

ет анкетным данным в следственных делах на русском языке и в базе данных репрессированных религиозных служителей. В издании биографического словаря Садуакаса Гылмани «Биографии исламских ученых, живших в наше время» дается имя на казахском языке Әлиаскар Айтқожаұлы и на английском языке Aliyasqar Aytqozhauy. Город Кокшетау в советское время назывался Кокчетавом, поэтому при изложении событий пишется название города согласно документам того периода.

Основная часть

Жизнь и религиозное служение улема Галиаскара Айтхожина являются по сути яркой иллюстрацией системной репрессивной политики советской власти против ислама и мусульманского духовенства, которая включала в себя комплекс различных подходов и методов. Исследователь Келлер Ш. (Keller, 2001: 107-109) в своей работе подробно анализирует различные методы, применяемые советским государством в отношении ислама и его служителей, в частности тактику раскола между религиозными группами как одну из эффективных, применяемых советской властью, закрытие религиозных мектебов, медресе (сначала старометодных, затем и новометодных), мечетей, подрыв экономической базы духовенства путем ликвидации вакфов и передачи их в колхозы, повышенные налоги для духовенства, уничтожение мусульманских судов и уголовное преследование духовенства вплоть до физического уничтожения. Келлер Ш. выделяет два уровня акций против мусульманских служителей: первый уровень – «публичный», который предполагал широкие кампании по антирелигиозной пропаганде, антирелигиозные кампании снятия женских мусульманских покрытий, кампании против празднования мусульманских праздников, кампании по дискредитации религиозных организаций и образа служителей религии; второй уровень – «секретный», включал ночные аресты мусульманского духовенства «секретными» органами ОГПУ/НКВД (Keller, 2001: 139), уголовное преследование и осуждение, затем ссылка, отбывание наказания в лагере или высшая мера наказания (ВМН).

Исследователь Э. Тасар условно делит репрессии против мусульманского духовенства на два периода: первый – начальный (1928-1932 гг.), который совмещал в себе культурную революцию, раскулачивание и коллективизацию

(Tasar, 2017:43). Если до этого периода, советская власть, особенно, в начале 1920-х годов, в период НЭП, допускала сотрудничество с джадидами, выступавшими за реформу в исламе, особенно в исламском образовании и функционирование новометодных школ наряду с советскими школами, то с 1927-28 гг. наступление велось как против представителей традиционалистского мусульманского духовенства (кадимитов), так и против джадидов. Пиком следующего периода является сталинский террор 1936-1938 гг., который в отношении ислама характеризовался «централизованно управляемыми репрессиями для выявления и ареста многих улемов» (Tasar, 2017:43).

Для того, чтобы реконструировать жизнь улема Галиаскара Айтхожина в советский период необходимо учитывать исторический контекст, включающий не только советскую политику репрессий против ислама, но и интеллектуальные поиски внутри ислама в то время, в рамках которых были очерчены проекты и тенденции дальнейшего развития ислама.

Ученый А. Халид своих работах (Khalid, 2007a, 2007b) показывает советский период в истории ислама в Центральной Азии во всем многообразии его проявлений и течений, в частности, джадидизма как выражение исламского модернизма, активно внедрявшего новые методы обучения и светские предметы в свои новометодные школы, традиционализма (кадимизма), следующего старым методам обучения и отвергающего новшества, а также феномена коммунистов с мусульманским бэкграундом. Кроме того, обозначались фундаменталистские проекты, в частности в лице богослова Шами Дамуллы и его последователей, что исследовал ученый А.К. Муминов (Muminov, 2007: 253-256). А. Беннигсен и С.Э. Вимбуш (Bennigsen, Wimbush, 1985) описывали функционирование суфизма как «параллельного ислама» в условиях советского времени.

Представители мусульманского духовенства с джадидскими взглядами в начале 1920-х годов сотрудничали с советскими властями и даже входили в советские структуры, стремясь провести реформы в системе образования и культуры. Широкое распространение в советских республиках Центральной Азии получили новометодные школы, которые пользовались большей популярностью среди населения, чем советские школы, так как они совмещали обучение ислама со светскими предметами. К 1927 году больше-

вики отказались от поддержки джадидов, школы были закрыты, а мусульманские служители джадиды и светские представители джадидизма были репрессированы в 1930-х годах, как и традиционалисты-кадимиты, а также представители суфизма, который в советских документах обозначался как ишанизм.

Необходимо отметить, что среди казахских улемов были представители джадидизма и кадимизма. Часть казахских улемов, в том числе и Галиаскар Айтхожин, получали образование в Бухаре. Роль Бухары в подготовке имамов и улемов в Российской империи, а также особенности обучения в Бухарских медресе проанализировал ученый А. Франк (Frank, 2012). Бухара считалась в XVIII-XIX веках центром исламского образования в Центральной Азии, а ее выпускники назывались «бухарцами» и обладали особым авторитетом среди мусульман. Значительная часть татарских и башкирских исламских ученых, ставших впоследствии сторонниками джадидизма, учились в Бухаре, а затем критиковали «схоластику» и «отсталость» в образовательном процессе Бухарских медресе.

Таким образом, вышеперечисленные исследователи показывают, что в период прихода к власти большевиков, среди мусульман были распространены разные взгляды на развитие ислама, включая модернистский проект джадидов и традиционалистский проект кадимитов и другие. Советская власть, будучи слабой, первые годы поддерживала джадидов, стремясь подорвать авторитетов кадимитов среди мусульман, используя тактику, как отмечает исследователь Р. Беккин, разделения мусульманского духовенства (Bekkin, 2017: 57). Понимание разнообразия мусульманских течений среди мусульман в начале XX века, дает более целостную картину жизни улемов, их взаимоотношений между собой и с советской властью.

В то же время, следует отметить, что большинство вышеназванных исследователей, таких как Ш. Келлер, С. Тасар, А. Халид, А. Франк основывались в основном на материалах Узбекистана, и в меньшей степени на данных других центральноазиатских республик, включая Казахстан.

Важным актором в мусульманской среде Казахстана в советский период 1920-х-1930-х годов, без которого невозможно воссоздать целостную картину функционирования мусульманских общин в целом, и конкретных улемов в частности, было Центральное духовное управ-

ление мусульман Внутренней России, Сибири и Казахстана (далее ЦДУМ), находившееся в г. Уфе и его руководство в лице председателя, муфтия Ризаэтдина Фахретдинова (1859-1936) и его заместителя Кашшафа Тарджеманова. Это подтверждается архивными материалами следственных дел репрессированных мусульманских служителей и документами советских органов Казахстана, таких как отделы агитационно-пропагандистской работы Казкрайкома, и, на сегодняшний день, является, малоисследованным. Исследователь М. Кемпер в своей статье, посвященной деятельности «советского муфтия» Р. Фахретдинова и его взаимоотношениям с советским тюркологом Александром Самойловичем, упоминает Казахстан в контексте работы ЦДУМ. В частности, ученый указывает, что значительная группа мусульманских служителей из Казахстана принимала участие в съезде ЦДУМ в Уфе в 1926 году, который собрал 437 делегатов в целом (Kemper, 2017: 173). Второй раз М. Кемпер упоминает Казахстан в связи с событиями, которые развернулись после смерти Р. Фахретдинова в 1936 году. Хотя муфтий Фахретдинов не был репрессирован, однако после его смерти репрессиям подверглось его окружение, а именно 42 человека из прежнего состава ЦДУМ, в числе которых его заместитель, кади К. Тарджеманов, первая женщина кади Мухлиса Буби, стоявшая у истоков женского образования, кади и мусульманский публицист Зия Камали и другие. Казахстан встречается в следственном деле Мухлисы Буби, в котором говорится о якобы контрреволюционном центре, созданном бывшим муфтием Р. Фахретдиновым и его сторонниками, который имел филиалы в различных регионах, включая Казахстан (Kemper, 2017: 183).

Восстановление биографии и религиозного служения Галиаскара Айтхожина позволяют пролить свет на роль ЦДУМ в жизни и деятельности имамом и улемов в Казахстане. В групповом следственном деле, по которому был арестован Галиаскар Айтхожин в 1937 г., содержатся сведения о том, что в ЦДУМ входил представитель Казахстана, кади Магди Магкулов, который часто приезжал в казахские регионы. В 1926 году на съезде ЦДУМ присутствовала группа из Казахстана, и ЦДУМ выбрало мухтасибов различных казахских регионов, которые подчинялись ему. Одним из мухтасибов был Галиаскар Айтхожин. Последний арест Г. Айтхожина и обвинения против него и других мулл, был связан с репрессиями против руководства ЦДУМ, ко-

торое якобы создало большую разветвленную контрреволюционную националистическую организацию, в том числе в городах и аулах Казахстана. Было сфабриковано несколько дел против мусульманских служащих в Казахстане, якобы получающих антисоветские установки и указания от ЦДУМ. Кади Магди Магкулов, представлявший Казахстан, также был репрессирован в числе руководства ЦДУМ.

Основываясь на сведениях в биографическом словаре Садуакаса Гылмани и архивных материалах следственных дел, нами восстановлена биография улема Галиаскара Айтхожина, которую можно разделить на три этапа: становление его как религиозного деятеля, мусульманского ученого, мухтасиба; его жизнь и религиозное служение под давлением репрессий советской власти, три его ареста; последний арест, обвинение в рамках сфабрикованного группового дела с агентурным названием «Духовники», приговор Тройки НКВД и расстрел.

1. Становление Галиаскара Айтхожина как религиозного деятеля.

Жизнь и религиозное служение улема Галиаскара Айтхожина разворачивались в контексте идейных поисков путей развития ислама, охвативших мусульманские страны в конце XIX-нач. XX века и включившие в свою орбиту мусульман Российской империи, а затем советского государства. Будущий улем, согласно сведениям его ученика Момакана Алиева, родился в 1887 г. в Бурабае (Гылмани, 2015:199). В следственном деле 1931 года указывается, что ему на момент ареста было 47 лет (СГА УИС ДП Акмолинской области. Ф. 26. б/о. Д. 0600. Л. 91), соответственно, год рождения – 1883 или 1884, а в следственном деле 1937 года в анкетных данных записано 1882 г., аул № 4 Энбекшильдерского района Северо-Казахстанской области КССР (СГА УИС ДП СКО. Ф.16. б/о. Д. 1449. Л. 15). Согласно сведениям, М. Алиева, подростком он уходит из дома для учебы к Науану хазрету (Гылмани, 2015: 199, 283). Науан хазрет (1843-1916) был известным имамом и мударрисом в Кокчетаве, получившим образование в Бухаре. С. Гылмани также включил его в свой биографический словарь улемов. В настоящее время в его честь названа главная соборная мечеть в современном Кокшетау.

Как отмечает М. Алиев, Алиаскар Айтхожин становится одним из лучших учеников Науана хазрета, и даже следует за ним в ссылку в Сибирь, куда хазрет был отправлен еще в царское

время. В качестве главной причины указывается твердое несогласие Науана хазрета с решением вывести казахское население из-под управления Оренбургского духовного управления мусульман и активные его действия по этому вопросу. Хазрет сначала посылает делегатов, а именно своего ученика Шаймердена Косшыгулова, а также Султангази Уалиханова в Государственную Думу, а затем, в связи с отсутствием результата, пишет письмо в Турцию Абдал Хамид хану, который в свою очередь обращается к царю Николаю II. В итоге царское правительство ссылает Науана хазрета в Сибирь (Гылмани, 2015:188-190).

Науан хазрет, как следует из сведений Момакана Алиева, был приверженцем старометодного обучения в своем медресе. Алиев перечисляет всех мулл, которых сам Науан хазрет обучал и давал уровень хатм: 1) Сауыт молла Есенбергеноулы, 2) Нуртаза ибн Шахмурад, 3) Татар Хамидаллах Бектас молла, 4) Абу Талиб Пакизаулы, 5) Алиакбар хажы, 6) Макыш Сеитуалиулы, 7) Нурмухаммедходжа Ахметулы, 8) Жусип Кадирулы. В системе обучения хазрета было главное повторять за имамом (таклид), заучивать наизусть, не противоречить учителю (Гылмани, 2015: 188). Никаких новшеств в обучении Науан хазрет не допускал, строго следовал традиционным методам в обучении.

Галиаскар Айтхожин после обучения у Науана хазрета, поехал учиться в Бухару, где он обучался пять лет у дамолла Халмурата, то есть Г. Айтхожин так же был «бухарцем», получившим престижное исламское образование. Однако, в отличие от своего учителя, он, став мударрисом, допускал новые методы в исламском образовании. Момакан Алиев, который учился у Г. Айтхожина, а затем был его секретарем и ассистентом, отмечает противоречия между Науаном хазретом и Айтхожиным на этой почве. Он приводит «Стихи Науана Хазрета к Джадидам». Данный стих выходит из конфликта между ними по причине произносится ли «Ассалату хайрун минан наум» в азане на утренний намаз. В этом стихе Науан считает себя кадимитом, а Айтхожина – джадидом. Но в конце ссоры Галиаскар Айтхожин приводит текст из Сахих Бухари и подтверждает свою правоту (Гылмани, 2015: 195-196).

После смерти Науана Хазрета, имамом казахской мечети г. Кокчетав ставится его сын Галымтай, но он через три года умирает, и имамом стал Галиаскар Айтхожин, который одно-

временно являлся мудarrisом и имел учеников.

В 1926 году Галиаскар Айтхожин был среди группы казахских мусульманских служителей, участвовавших в съезде ЦДУМ в г. Уфе. Г. Айтхожин был вновь переизбран на должность мухтасиба Кокчетавского района. Первый раз Айтхожин был избран мухтасибом ЦДУМ при прежнем муфтии Галымжане Баруди. Одним из аргумента в его пользу при выборе на должность мухтасиба было то, что он допускал новые методы, а руководство ЦДУМ относилось согласно классификации советских властей к «прогрессивному» мусульманскому духовенству и разделяло проект исламского модернизма, тогда как кадимиты назывались большевиками «консервативным» духовенством. Исходя из сведений Момакана Алиева, Галиаскар Айтхожин в определенной мере разделял джадидские взгляды и допускал новые методы обучения.

2. Галиаскар Айтхожин в условиях репрессий советской власти

Ученые А.К. Муминов, Э. Тасар указывают, что улемы в истории ислама в Центральной Азии были людьми с высшим духовным образованием, пользовались особым авторитетом в области теологии и права, в преподавании ислама и передаче исламских знаний из поколения в поколение через своих учеников, а также имели большое влияние на мусульманское сообщество, на решение важных социальных вопросов, часто выступая посредниками между мусульманскими общинами и государством. Советское государство, ставя своей целью подорвать влияние ислама на жизнь и мировоззрение населения мусульманских республик и, в конечном счете, вытеснить ислам, в ходе наступления на ислам с 1927 года усилило давление на мусульманских служителей, и, особенно, тех, кто имел значительный авторитет в местном сообществе. Наступление на улемов осуществлялось постепенно, системно, включало различные методы.

К 1927 году Галиаскар Айтхожин был имамом I Казахской мечети г. Кокчетав, мудarrisом в медресе, а также мухтасибом. Он ездил по своему региону с целью активизировать религиозную жизнь, а также провести сбор средств с населения для содержания мечети и помощи ЦДУМ. В справке, выданной Кокчетавским горсоветом Кокчетавского района Северо-Казахстанской области (СКО) на гражданина Г. Айтхожина пишется, что «Айтхожин был муллой в Казахской мечети и одновременно был наказным муллой, то есть разъезжал по району

по сбору средств с граждан с целью собственной наживы, за что был лишен избирательных прав в 1930 г., имущество конфисковано, сам осужден выслан» (СГА УИС ДП СКО, Ф.16. б/о. Д. 1449. Л. 56). В данной справке неверно указан год ареста и осуждения. В обвинительном приговоре в информации о Г. Айтхожине указано о нем как о бае-мулле, который был осужден в 1928 году по ст. 124 УК. Приговор по делу передан правильно: лишение избирательных прав, конфискация имущества, высылка на 1 год.

Необходимо отметить, что это был типичный приговор для мусульманского служителя конца 1920-х гг., когда применялись конфискация имущества, высылка, лишение избирательных прав. Хотя, значительная часть мулл к этому времени уже были лишены избирательных прав в рамках применения ст.65 Конституции РСФСР от 10.07.1918. Лишение гражданских прав священнослужителей и повышенное налогообложения на них подрывало их экономическое и социальное положение. Часть мусульманских служителей, как, например, Момакан Алиев оставляли работу муллами и учителями религиозных школ и медресе и шли работать в другие сферы и даже меняли фамилии. Таким образом осуществлялись экономическое давление и правовая маргинализация. После принятия Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 года «О религиозных объединениях» религиозное образование в любых формах было запрещено, а большинство мечетей было передано под культурные и общественные нужды трудящихся. Образование в сфере религии стало невозможным на легальной основе, соответственно, мусульманские служители не могли передавать знание об исламе детям и молодежи и формировать следующее поколение мудarrisов и улемов. Передача мечетей, а точнее их ликвидация, нанесло большой урон функционированию мусульманских общин. Система исламского образования была практически полностью ликвидирована. Исследование ученого В.А. Ахмадуллина показало, что последнее легальное медресе в СССР, которое работало в Кокчетаве, закрылось в 1941 году (Ахмадуллин, 2020: 22). Восстановление религиозного образования в очень ограниченном формате началось после 1945 года.

Давление репрессивной машины усиливалось. Г. Айтхожин был арестован второй раз органами Кокчетавского ОГПУ в 1930 г. и этапирован в распоряжение Губотдела ОГПУ г. Петропавловска, но производство по делу

было прекращено, он был освобожден 14 февраля 1931 г. В предварительном обвинительном заключении было указано, что Галиаскар Айтхожин в казахской мечети на собрании верующих г. Кокчетаве выступал с речью против советской власти как стремящейся подорвать религию, и призывал собирать средства, чтобы поддерживать и улучшать содержание мечетей (СГА УИС ДП Акмолинской области. Ф. 26. б/о. Д. 0600. Л. 95). В деле также имеются указания на связь Айтхожина с руководством «Алаш-Орды», в частности, что представители правительства «Алаш-Орды» останавливались в доме у Айтхожина в Кокчетаве и сам улем ездил по аулам с агитацией в пользу «Алаш-Орды». По какой причине следователь решил прекратить производство неизвестно. Однако через пару месяцев после освобождения из-под ареста Г. Айтхожин был в третий раз арестован органами ОГПУ Эмбакинского района в начале апреля 1931 года. Как отмечает М. Алиев, Галиаскар Айтхожин развернул активную деятельность как мухтасиб, и к 1930 году число мусульманских общин в Кокчетавском районе выросло до 73, что не соответствовало антирелигиозному курсу советской власти (Гылмани, 2015: 515).

С 5 августа 1931 года по 20 мая 1932 года сидел в Петропавловской тюрьме. В итоге Галиаскар Айтхожин был осужден Коллегией ОГПУ и приговорен к 3 годам концлагеря за проведение антисоветской агитации под прикрытием религиозных обрядов. Из этих трех лет полтора года он провел в Карлаге ОГПУ.

Для начала 1930-х годов обвинение мусульманских служителей в антисоветской агитации и пропаганде по ст. 58 – 10 УК РСФСР было типичным и широко распространенным.

В 1934 году Галиаскар Айтхожин освобожден и некоторое время жил в Петропавловске, затем в 1935 году переехал на прииск Степняк.

3. Галиаскар Айтхожин как «член контрреволюционной организации» в агентурном деле «Духовники»

Годы «Большого террора» 1937-1938 гг. отличались масштабами репрессий, что выражалось в большом количестве сфабрикованных групповых дел, по которым осуждалось от пяти до нескольких десятков человек. Помимо ст. 58-10 УК РСФСР, в эти годы массовых репрессий, в отношении осужденных священнослужителей по групповым делам широко применялась ст. 58-11 УК РСФСР – контрреволюционная организационная деятельность. Представители мусуль-

манского духовенства, как правило, обвинялись в создании контрреволюционных националистических организаций.

Причем необходимо отметить, что к этому времени органами НКВД была организована агентурная работа в среде мусульман. На мусульманских служителей как антисоветских элементов, заводились агентурные дела и через агентов и осведомителей собирался материал, который составлял основу следственного дела.

Агентурное дело «Духовники» было результатом агентурной разработки, и его материалы легли в основу группового следственного дела, по которому были арестованы пять мусульманских служителей: татарин, мулла Акаев Мергасым; казах, бай-мулла Кузкенов Шамак; казах, бай-мулла Айтхожин Галиаскар; татарин, бай-мулла Халитов Хасан; казах, муэдзин Мустафин Нургалий. Айтхожин Галиаскар был арестован 5 июня 1937 г. на прииске Степняк вместе с остальными.

Дело «Духовники» было одним из ряда групповых следственных дел, направленных против руководства и сторонников ЦДУМ после смерти муфтия Р. Фахретдинова, так как в обвинительном заключении фигурирует Магди Магкулов, представитель Казахстана в ЦДУМ, арестованный в марте 1937 года. В данном Обвинительном заключении указано, что якобы в Северо-Казахстанской области раскрыта широко-разветвленная «мульско-байская» контрреволюционная организация, основными задачами которой являлись свержение советской власти, объединение казахского населения и других восточных национальностей в самостоятельное государство по программе партии «Алаш-орды», пропаганда идей ислама и вредительская работа в колхозах по ослаблению советской власти (СГА УИС ДП СКО. Ф.16. б/о. Д. 1449. Л. 245]. Среди руководителей этой контрреволюционной организации названы вышеупомянутый Магди Магкулов (член ЦДУМ, г. Уфа), Алимбаев Кожамет (мухтасиб, г. Омска), Агисов Магдий (мулла, г. Петропавловск) и Турежанов Сейткожа (мулла, г. Петропавловск), к тому времени уже арестованные.

Арестованные мусульманские служители по групповому делу «Духовники», включая Галиаскара Айтхожина, согласно обвинительному заключению, были членами этой разветвленной организации. Они обвинялись в том, что под видом религиозной работы организовывали контрреволюционные сборища, проводили

антисоветскую агитацию, направленную на подрыв колхозного строительства, дискредитацию мероприятий партии и правительства, сочиняли и распространяли контрреволюционные песни против колхозного строительства, восхваляющие старую казахскую жизнь и направленные против мероприятий партии и правительства, вербовали в свою организацию новых участников [СГА УИС ДП СКО. Ф.16. б/о. Д. 1449. Л.245-246].

Тройкой УНКВД Северо-Казахстанской области от 19 сентября 1937 года Айтхожин Галиаскар, Акаев Мергасым, Кузкенов Шамак, Халитов Хасан, Мустафин Нургалий по ст. 58-10, 58-11 УК РСФСР были приговорены к ВМН – расстрелу. Расстрелян Галиаскар Айтхожин был 23 сентября 1937 года в г. Петропавловске, как и остальные четверо мулл. Таким образом, было осуществлено уголовное преследование по политическим мотивам и физическое уничтожение. Место захоронения в следственном деле не указывается, то есть остается неизвестным.

К следственному делу 1937 года были приобщены «контрреволюционные листовки», изъятые у одного из акмолинских мулл, которые были написаны Галиаскаром Айтхожиным. В одной из таких листовок под названием «Настоящая эпоха», где он описывает эпоху, в которую довелось ему жить как беспокойную, мучительную, тяжелую для казахов, так как было уничтожено много скота, что привело к голоду (СГА УИС ДП СКО. Ф.16. б/о. Д. 1449. Л.66). Это свидетельствует о том, что несмотря на три ареста до 1937 года и две судимости, Галиаскар Айтхожин продолжал религиозное служение и критику советской власти. Карта Картанбайулы, воспоминания которого об Айтхожине также включены С. Гылмани в биографический словарь, отмечает враждебное отношение Галиаскара Айтхожина к советской власти как разрушающей религию и вековые устои казахов (Гылмани, 2015: 222).

Результаты и обсуждение

Улемы как наиболее образованная и авторитетная часть мусульманских служителей находились в объекте особого внимания карательных органов советской власти. Реконструкция биографии одного из улемов позволила более детально показать репрессивные методы советской власти через призму жизни и смерти улема, жившего и осуществлявшего религиозное служение и религиозно-образовательную дея-

тельность в г. Кокчетаве (Кокшетау в настоящее время) и прилегающих районах. Кроме того, биографический метод и микроисторический подход позволили представить процессы, происходящие в среде мусульман в советский период, а именно различные проекты развития ислама, дискуссии в мусульманской среде, а также различных акторов периода сталинско-большевистских репрессий. Помимо советских органов власти и структур, осуществлявших репрессии, мы пытались показать действия мусульманских акторов в лице улема, который старался сохранить религию в условиях системного давления советской власти на ее носителей. В этом отношении важно обратить внимание на то, что советской политике «разделяй и властвуй», улемы в Казахстане противопоставили поиски единства мусульман, признавая общее руководство ЦДУМ в г. Уфе. Авторитетные мусульманские служители Казахстана участвовали в съездах ЦДУМ, из них были избраны мухтасибы различных районов Казахстана. Многие казахские улемы были мухтасибами, как Галиаскар Айтхожин, и пытались сохранить и, более того, активизировать религиозную жизнь населения. В годы Большого террора значительная часть мухтасибов, которые оставались в республике была репрессирована, так же, как и руководство ЦДУМ, судьбы многих из них остаются неизвестными и неизученными. Избежавшие репрессий в 1937-38 гг. мухтасибы, их заместители, значительная часть их учеников были репрессированы в 1940 году, когда был сфабрикован ряд дел по панисламистским организациям. В отношении репрессивной советской власти, следует отметить, что, в конечном счете, мусульманские служители, вне зависимости от джадидского или кадимитского направления, были для советской власти чуждыми «байско-мульскими элементами», подлежащими ликвидации.

Кроме того, восстановление ключевых этапов жизни Галиаскара Айтхожина, показывает еще одно перспективное направление для исследований, а именно отношение между улемами и национальной интеллигенцией в лице алаш-ординцев. Как было отмечено выше, Галиаскар Айтхожин был знаком с представителями Алаш-Орды, даже взаимодействовал с ними. Данная тема отношений улемов с алаш-ординцами требует более глубокого дальнейшего исследования на основе архивных материалов и, возможно, сохранившихся письменных воспоминаний последователей или потомков мусульманских служителей.

На наш взгляд, очень важным является исследовать жизнь и религиозное служение улемов в контексте социального и политического контекста того времени, социальных и личных взаимодействий с национальной интеллигенцией, простыми мусульманами, различными мусульманскими деятелями, как местными, так и за пределами Казахстана. Кроме того, одной из чувствительных и неисследованных тем является агентурная работа в мусульманской среде, которая активно велась ОГПУ/НКВД с привлечением осведомителей, что позволяло собирать материалы для агентурных дел, таких как «Духовники», в рамках которого был арестован улем Айтхожин и затем приговорен к расстрелу.

Большой интерес представляет исследование письменного наследия улемов. К сожалению, мы не знаем, что случилось с записями Г. Айтхожина, но можем только предполагать, что оно было в виде стихов или размышлений, о чем говорят отрывки из изъятых, так называемых «контрреволюционных листовок» в деле. Причем, указание на существование этих записей содержится в делах и других репрессированных мусульманских служителей Казахстана.

Заключение и выводы

Судьба Галиаскара Айтхожина похожа на судьбу многих других улемов в Казахстане, которые были репрессированы в годы сталинско-большевистских репрессий. На примере судьбы Кокшетауского улема Г. Айтхожина мы попытались восстановить этапы наступления на ислам в 1920-е-1930-е годы, рассмотрели особенности сталинско-большевистских репрессий в советское время, их влияние на исламское образование и преемственность исламского знания.

Система репрессий включала правовую маргинализацию мусульманских служителей (лишение избирательных прав), экономическое давление (конфискация имущества, высокие налоги, невозможность собирать средства на со-

держание мечетей и духовенства, изъятие мечетей и передача горсоветам для других функций и др.), ликвидацию легального исламского образования и возможности обучать детей и молодежь основам ислама и транслировать исламские ценности, прямое уголовное преследование сначала по ст. 58-10 антисоветская агитация и пропаганда, затем по ст. 58-11 – контрреволюционная организованная деятельность, что результировалось в больших сроках заключения в исправительно-трудовых лагерях от 10 лет и больше или в осуждении к ВМН.

Благодаря воспоминаниям учеников Айтхожина, собранных в биографическом словаре улемов С. Гылмани, мы можем «услышать» его голос. Это позволяет сделать вывод, что он допускал новые методы в исламском образовании, предлагавшиеся джадидами, негативно относился к мероприятиям советской власти, осознавая, что они направлены на вытеснение религии, разрушение традиционного уклада казахов, что сопровождалось социальными потрясениями, вплоть до голода.

Заключением Прокуратуры Республики Казахстан от 2 сентября 1992 года Айтхожин Галиаскар был реабилитирован. На наш взгляд, полная реабилитация будет осуществлена тогда, когда имена репрессированных улемов будут выведены из тени забвения, восстановлены события их жизни и обстоятельства смерти, и, таким образом, будет возвращена память о них последующим поколениям.

Благодарность и конфликт интересов

Статья подготовлена в рамках реализации проекта OR11465470 «Массовые политические репрессии в Казахстане в 20-50-х гг. XX в. и процессы реабилитации: создание единой базы данных» при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан. Конфликт интересов на всех этапах подготовки статьи отсутствовал.

Литература

- Ахмадуллин В.А. (2020) Деятельность советского государства и духовных управлений мусульман по развитию исламского образования и просвещения (1944-1965). – Москва: ИД «Читай». ИД «Марджани». – 275.
- Гылмани, С. (2015) Заманамызда болған ғұламалардың ғұмыр тарихтары. – Алматы: Дайк-Пресс. – 400.
- Муминов, А., Утепбергенова, У. (2019) Акмолинская школа в исламских науках//Проблемы исламоведения и арабской филологии. Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы: «Нұр-Мұбарак» баспасы. – 27-37.
- Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции Акмолинской области (СГА УИС ДП Акмолинской области).

Специализированный государственный архив Управления информатизации и связи Департамента полиции Северо-Казахстанской области (СГА УИС ДП Северо-Казахстанской области).

References

- Akhmadullin V.A. Deiatel'nost' sovetskogo gosudarstva i dukhovnykh upravlenii musulman po razvitiuu islamskogo obrazovaniia i prosveshcheniia (1944-1965) [The Activity of the Soviet State and Spiritual Administrations of Muslims for Development of Islamic Education and Training (1944-1965)]. – Moskva: ID «Chitai». ID «Mardzhani». – 275. (in Russian)
- Bekkin, R. (2017) The Muftiates and the State in the Soviet Time: The Evolution of Relationship. Islam in Russia during today's transformation processes: New Challenges and development trends in the 21st century, edited by Z.R. Khabibullina. – Ufa: Dialog. – 54-76.
- Bennigsen, A. Wimbush, Enders S. (1985) Mystics and Commissars. Sufism in Soviet Union. – Berkeley and Los Angeles: University of California press. – 195.
- Frank, A.J. (2012) Bukhara and the Muslims of Russia. Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. – Leiden&Boston: Brill. – 216.
- Ghilmani, S. (2015) Zamanamyzda bolgan g'ulamalaryn g'umyr tarihtary [Biographies of The Islamic Scholars of Our Times]. – Almaty: Daik-Press. – 400. (in Kazakh)
- Keller, Sh. (2001) To Moscow, Not Mecca. The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917-1941. – London: Praeger. – 277.
- Kemper, M. (2017) From 1917 to 1937: The Mufti, the Turkologist, and Stalin's terror". Die welt des Islams, 57: 162-197. <https://doi.org/10.1163/15700607-00572p02>
- Khalid, A. (2007a) Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. – Berkeley: University of California Press. – 241.
- Khalid, A. (2007b) The Fascination of Revolution: Central Asian Intellectuals, 1917-1927. Empire, Islam and Politics in Central Eurasia, edited by T. Uyama. – Hokkaido: Slavic Research Center. – 137-152.
- Khalid, A. (2008) Searching for Muslim Voices in Post-Soviet Archives. Ab Imperio, 4:302-312. <https://doi.org/10.1353/imp.2008.0139>
- Muminov, A. (2007) Fundamentalist Challenges to Local Islam Traditions in Soviet and Post-Soviet Central Asia. Empire, Islam and Politics in Central Eurasia, edited by T. Uyama. – Hokkaido: Slavic Research Center. – 249-261.
- Muminov, A., Utepbergenova, U. (2019) Akmolinskaja shkola v islamskih naukah//Problemy islamovedeniia i arabskoj filologii. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii [Akmola School in Islamic Sciences // Problems of Islamic Studies and Arabic Philology. Materials of the international scientific-practical conference]. – Almaty: "Nur-Mubarak" Press. – 27-37. (in Russian)
- Ro'i, Y., Wainer, A. (2009) Muslim Identity and Islamic Practice in post-Soviet Central Asia. Central Asian Survey, 3 (28): 303-322. <https://doi.org/10.1080/02634930903421863>
- Sartori, P. (2010) Towards a History of the Muslims' Soviet Union: A View from Central Asia. Die Welt des Islams, 50: 315–334.
- СГА УИС ДП Ақмолінської області – Спеціалізований державний архів Управління інформатизації і зв'язи Департаменту поліції Ақмолінської області. (in Russian)
- СГА УИС ДП СКО – Спеціалізований державний архів Управління інформатизації і зв'язи Департаменту поліції Северо-Казахстанської області. (in Russian)
- Tasar, E. (2016) The Official Madrasas of Soviet Uzbekistan. Journal of the Economic and Social History of the Orient, 59: 265-302. <http://dx.doi.org/10.1163/15685209-12341399>
- Tasar, E. (2017) Soviet and Muslims. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943- 1991. – New York: Oxford University Press. – 416.